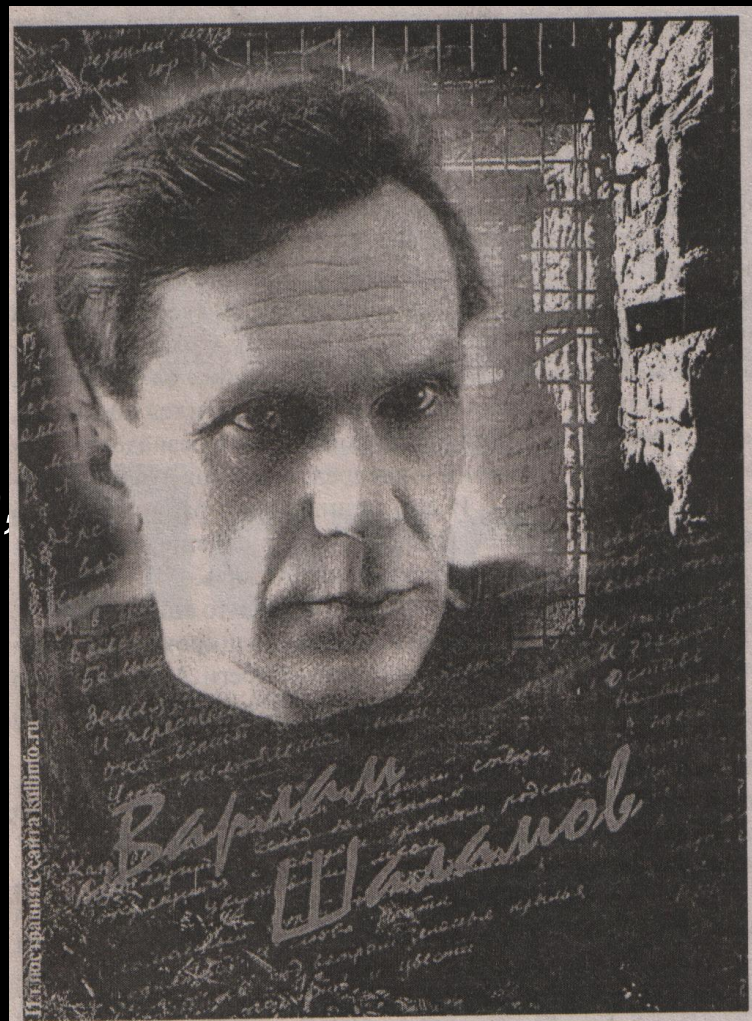

Варлам Шаламов (1907 – 1982, 17 января)

*"Говорят, мы мелко пашем,
Оступаясь и скользя.
На природной почве нашей
Глубже и пахать нельзя.
Мы ведь пашем на погосте,
Разрыхляем верхний слой.
Мы задеть боимся кости,
Чуть прикрытые землей."
(«Жар-птица»)*

...Варлам Тихонович Шаламов родился в 1907 году в Вологде, в семье священника. Отец его был человеком прогрессивных взглядов, поддерживал связи со ссыльными, жившими в Вологде. В своей автобиографической повести о детстве и юности "Четвертая Вологда" Шаламов рассказывает, как формировались его убеждения, как жажда справедливости стала для него чем-то вроде навязчивой идеи.

- В 1924-м Шаламов уезжает в Москву и, два года проработав дубильщиком на кожевенном заводе, поступает в МГУ на факультет советского права, при этом активно участвуя в бурлящей столичной жизни: митинги и литературные диспуты, демонстрации и чтение стихов...
- 19 февраля 1929 года Шаламов был арестован за "антисоветскую пропаганду" и был приговорен к трем годам лагерных работ на Северном Урале.
- «Вернулся в Москву в 1932 году «и крепко стоял на всех четырех лапах». Стал работать в журналах, писать, перестал замечать время, научился отличать в стихах свое и чужое... Готовилась книжка рассказов. План был такой: в 1938 году первая книжка прозы. Потом вторая книжка. Сборник стихов».

Варлам ШАЛАМОВ

Лёша Чеканов, или Однодельцы на Колыме

* * *
Я забыл погоду детства,
Теплый ветер, мягкий снег.
На земле, пожалуй,
средства
Возвратить мне детство нет.

И осталось так много
В одной памяти моей —
Васильковые дороги
В красном солончаке
Дорожки в траве,
Запах ягоды-кислицы,
Можжевельник уступы
И желтых
как больница,
Подсыхающих цветов.
Это всё новое в семье
И в любой любви стране.
Этим сердцем утка
Если горько было мне

Жар-птица
Ты — витанье в белом тумане,
Бормотанье по ночам,
Ты — соперница восточным
Разговорчицам-кочкам.
Ты — полет стрелы каленой,
Откровенной сказки дар
И внезапно заземленный
Ослепительный удар.

Чтоб в его мгновенном свете
Открывались те черты,
Что держала жизнь

"В ночь на 12 января 1937 года в мою дверь постучали..." «Пять лет колымских лагерей. Золотые прииски, таежные "командировки". Бухта Чагаево, Черное озеро, Аркагала, Джелгала...»

Лёша Чеканов, потомственный хлебороб, техник-селекционер, а затем инженер-механик на рамах 69-й камеры Бутырской тюрьмы весной и летом 1937 года. Так же, как и многим другим, я как староста камеры оказал Лёше Чеканову первую помощь: сделал ему первый укол, инъекцию эликсира бодрости, надежды, любви, красоты и счастья. Он был бледен, как мрамор, карштенного состава, необходимо человеку в тюрьме, особенно в виварии. Но не чувствую блатные, с 25-летним опытом им отказать не боясь, а не проси.

Лёша Чеканов, потомственный хлебороб, техник-селекционер, а затем инженер-механик на рамах 69-й камеры Бутырской тюрьмы весной и летом 1937 года. Так же, как и многим другим, я как староста камеры оказал Лёше Чеканову первую помощь: сделал ему первый укол, инъекцию эликсира бодрости, надежды, любви, красоты и счастья. Он был бледен, как мрамор, карштенного состава, необходимо человеку в тюрьме, особенно в виварии. Но не чувствую блатные, с 25-летним опытом им отказать не боясь, а не проси.

Бригадир тут защитит
и от колымских лагерей
и от большевистского
вверх, держаться за все со-
ломинки, которые бросает
ему ветер, твой эго-
призрачного спасения
губит людей.
Бригадир тут защитит
и от колымских лагерей
и от большевистского
вверх, держаться за все со-
ломинки, которые бросает
ему ветер, твой эго-
призрачного спасения
губит людей.

тот рубеж, после которого всё
лежит по ту сторону добра и
зла, и самый процесс «доплы-
вания» убыстряется лавино-
образно. Цепная реакция, вы-
ражаясь современным язы-
ком. Тогда мы не знали об
атомной бомбе, о Хиросиме и
Ферми. Но неужели, необрати-
мость «доплывания»
была нам известна отлично.
Потому-то и была такая
небольшая статистика и многоцеле-
ных мемуарах точная, исто-
рически добытая формула:
«Человек может доплыть в
две недели». Это норма для
силы, если его держать на
каком-то уровне, не давая
свободы, в трубочками с горящими фи-
тилями из таежных мушкет-
ственный, но не свой, а
лица, свет для колымских ра-
ботяг беспредельна.
В колеблющемся свете
был свой ритм, и кол-
сальный блок с углерод-
трубочками с горящими фи-
тилями из таежных мушкет-
ственный, но не свой, а
лица, свет для колымских ра-
ботяг беспредельна.
В колеблющемся свете
был свой ритм, и кол-
сальный блок с углерод-
трубочками с горящими фи-
тилями из таежных мушкет-
ственный, но не свой, а
лица, свет для колымских ра-
ботяг беспредельна.

людьми, телами строите-
Здесь и началась одна
моих страстей.
Каждый день на глаза
всей бригады Сергей Полу-
пан меня бил: ногами, кула-
ками, поленом, рукояткой
кайла, лопатой. Выбивал
меня грамотность. Битье по-
вторялось ежедневно. Брига-
дир Полупан носил теленчик
куртку, я зовую куртку из
ячьей шкуры — чей-то по-
дарок или взятка, чтобы от-
купиться от кулаков, вымо-
лить отдых хоть на один ден-
Разгорячившись, Полу-
пан снимал куртку и оста-
вался в телогрейке, управ-
ляясь с ломиком и кайлом еш-
более свободно. Полупан
выбил у меня несколько зу-
бов, надломил ребро. Утрен-
ние избиения продолжались
столько времени, сколько
пробыл на этом прииске, и
«Спокойном»...
По рапорту бригадира По-
лупана, утвержденному на-
чальником прииска и на-
ставником ОЛПа, я был отправле-
н в Центральное северное уп-
равление — в поселок Ягод-
ный как злостный флинт для
возбуждения уголовного дел
и нового героя. Я свалил в но-
лях в Ягодном под след-
ствием, завелось дело, шло
дело. Инициатива Лёши
Чеканова обозначилась до-
статочно ясно.
Валда весна сорок четвер-
того, аркагаламская весна
ная весна. В Аркагале гово-
ят спешившим на работу
стремелась вперед, а в
Аркагале...

- В 1957 году Шаламов был реабилитирован, вернулся в Москву и, работая в журнале "Москва" внештатным корреспондентом, печатал очерки и зарисовки. Другими редакциями рассказы Шаламова возвращаются - их не устраивает шаламовский "абстрактный гуманизм". Писатель переживает его чрезвычайно тяжело, он чувствует себя ненужным обществу.

- Он был освобожден в 1951-м, но уехать на "материк" не смог.
- В 1952 году волею случая завязывается пятилетняя переписка с самим Борисом Пастернаком, где, по моему личному мнению, Шаламову удалось блеснуть своим писательским мастерством.

- Но он продолжает серьезно работать - в 1961 году выходит в свет сборник стихов "Огниво", в 1964-м - "Шелест листьев", в 1967-м - "Дорога и судьба".
- Еще через четыре года дописана повесть "Четвертая Вологда" (1971), в 1973-м году завершена работа над "Вишерой", "Федором Раскольниковым" и сборником рассказов "Перчатка". Шаламов работал до последних дней - даже в тяжелейшем состоянии здоровья он диктовал стихи и воспоминания.
- Зиму он не любил. Зимой он часто болел, простужался. 17 января 1982 года Шаламов умер.

- В 1987 появились первые серьезные публикации его прозы и стихов из колымских тетрадей. Общество внезапно заинтересовалось его работами, и появились издания сборников "Колымские рассказы", "Левый берег", "Артист лопаты", "Очерки преступного мира", "Воскрешение лиственницы", "Перчатка, или КР-2". Над этой эпопеей автором велась с 1954 по 1973 год - к ней примыкают также "Воспоминания" о Колыме и "Антироман", включающий в себя цикл рассказов о лагерях Вишеры.
- Рассказ «Белка», «Воскрешение лиственницы»

